

Следующая деревня встретила их похожими новостями. А за ней и следующая. Заклинатель в белом решал проблемы будто бы играючи, будто бы разобраться с нечистью для него не сложнее, чем смахнуть пыль с книжной полки. Местные, все как один, описывали его улыбчивым молодым мужчиной, любящим поболтать с жителями за чашкой чая.

— Странный, конечно, немного, — говорил хозяин одной из чайных, — но чего уж там, для нас, простого люда, все вы заклинатели не от мира сего.

Бродяжка любил поболтать, но, странное дело, никто не мог припомнить, чтобы он хоть что-то рассказал о себе. Ни имени, ни дома, ни пути. Зато бессмысленную болтовню рудокопов, стенания служанок и пьяный лепет деревенских лодырей выслушивал с неподдельным удовольствием. Будучи заклинателем, он, несомненно, возвышался над простыми людьми; но будучи таким внимательным и учтивым слушателем, он будто ничем от них и не отличался.

— Хороший юнец. Видать, наверняка, какого благородного происхождения, а никого не гнушается.

— Всем бы господам этим благородным у него да поучиться...

Ю Линг нахмурился, проводив взглядом крестьян в выгоревших, залатанных одеждах. На плечах они несли лопаты и кирки — видимо, рудокопы, возвращающиеся домой. Фэн Су и Фэн Ся ещё собирались в дорогу с очередного постоянного двора и, на счастье мужчин, не могли слышать их неосторожных речей. И хотя они говорили тихо, даже шёпот способен стать оглушительным в устах толпы.

Заклинатель в белом, радеющий за простой народ, пока ещё не был большой проблемой, но уже мутил воду в и без того зыбком спокойствии их существования.

— Этот Бродяжка всё время на шаг впереди! — Сокрушался Фэн Су, сжимая поводья до побелевших костяшек. — Такими темпами нам придётся просто так торчать в пустыне, пока отец не сменит гнев на милость, и можно будет вернуться.

Фэн Ся закатил глаза.

— Мы по твоей милости здесь и оказались, так что хватит ныть.

Закатное солнце, как печёное на костре яблоко, медленно таяло за горизонтом, окрашивая пески в ярко-рыжий. Липкое чувство тревоги охватывало душу костлявыми старушечьими пальцами, что не убежать от него, не скрыться. Цепочки нагрудных золотых пластин тихонько позвякивали, теряясь в пыhtении коней, и Фэн Ся прикрыл глаза на ничтожно короткий миг. Под веками холодным блеском рассыпалось звёздное небо, и хрустальные капли фонтана внутреннего двора гарема осели на меди волос.

«Удачи, сянъшен».

Глаза, тёмные и такие глубокие, что с лёгкостью отражали лунный серп, смотрели не на него, но сквозь, прямо в душу. Костлявые старушечьи пальцы бессильно разжались. Тепло, пробежав от самых кончиков пальцев, замерло нераспустившимся бутонем внизу живота[1], обещая превратиться в прекрасный цветок. Ему некуда спешить — у него всё время мира.

Добравшись к ночи, они сразу отправились на поиски деревенского старосты. Атмосфера в поселении была гнетущей, люди спешно покидали улицы, запирали окна и двери на все замки, а громкие разговоры превратились в едва слышный шёпот. Радоваться такой обстановке, конечно, не хотелось, но тут хотя бы ждали помощи.

Старостой оказалась улыбчивая бабуля с посеребрёнными сединой волосами и хрипловатым голосом. Она учтиво поклонилась, рассыпаясь в сердечных благодарностях.

— Говорила я с вашим бродячим заклинателем, — голос её шелестел потревоженным ветром песком, — учтивый такой, лицо красивое, точно благородных кровей. Выспрашивал, что за напасть у нас тут приключилась. А как узнал, что надобно, больше я его и не видала. Буквально, вчера это было.

Фэн Ся нахмурился. Бродяжка решал, казалось, любые проблемы играючи. Хватало всего одной ночи. Что же сейчас пошло не так? Опыта ему явно хватало, и стоит ли им вдвойне насторожиться, если даже у него возникли трудности?

— Бабушка, — обратился к ней Ю Линг, заметив молчаливую задумчивость на лицах своих молодых господ, — откуда приходят мертвецы?

Старушка неопределённо махнула рукой на окно. Горизонт уже укутался в ночь, как скромная девица в шелка, и только редкие порывы пустынного ветра тревожили его покой.

— Прямо из пустыни и приходят. Рядом с нами-то на многие ли ни души. Местные храбрецы попытались разведать, да так и сгнули все. Пожрали, видать.

Ю Линг взгляделся в ночную пустоту. Он помнил эти места. Когда-то, во время войны с кочевниками, недалеко отсюда была большая стоянка. Он ещё не был генералом, но в пылу жестокой битвы пришлось взять командование. Сражение было таким изнурительным, что кровавый пот заливал глаза, а руки с трудом удерживали меч. Сейчас, погружаясь в тёмные воспоминания, он не испытывал гордости, но именно эта битва в дальнейшем послужила его карьерному росту. Когда лагерь уничтожили, а пески укрыли останки, неподалёку от места сражения появилась деревня — как выяснилось, здесь пролегали подземные воды, и люди охотно перебирались в эти, казалось бы, очень отдалённые земли. Конечно, никто не занимался достойным захоронением кочевников. Неудивительно, что всё обернулось плачевно.

Попрощавшись со старушкой, они поспешили в неизвестность. Чёрная ночь поглотила их пастью притаившегося хищника.

Тишина стояла мёртвая. Ни уханья пустынных сов, ни шороха копошащихся в песке скорпионов. Казалось, даже воздух застыл густым сахарным сиропом, стекая по горлу вниз чем-то липким, тяжёлым. Сладость невидимой дымкой стелилась по пустыне, потревоженная шагами неосторожных путников; поднималась выше, проникала в нос, сдавливая тисками лёгкие.

То была не сладость спелых плодов редких растений. То была сладость гниющей на жаре плоти. Липкий, омерзительный запах сочащихся гноем ран и застывшей в чёрную корку крови.

Ю Лингу он был знаком — смрад жутких деяний сильных мира сего. Он не был на настоящей войне уже довольно долго, но иногда всё ещё чувствовал этот запах от собственных доспехов, кожи или волос.

— Ну и вонь! — Поморщился Фэн Су, брезгливо прикрыв нос ладонью. — И почему мы не чувствовали этого в деревне? Отошли же совсем ничего.

— Здесь так много тёмной энергии, что даже ветер не дует. Вот до деревни и не доходит.

Фэн Ся остервенело потёр кончик носа. Братьям уже приходилось чувствовать этот запах, но никогда ранее так отчётливо и ярко. Один Ю Линг, следуя позади, оставался невозмутим.

Фэн Су хотел сказать что-то ещё, даже смело набрал побольше воздуха в лёгкие, но всё, что он смог — это резко и громко выдохнуть, когда косматая рука с обрывками серо-зелёной плоти на прогнивших костях уцепила его за лодыжку и с силой потянула вниз. Хватка была чудовищной, обжигающей болью через голенище сапога из мягкой кожи. Схватив меч, блеснувший жидким золотом в ночи, Фэн Су отрубил руку — раздался глухой хруст иссохших мышц, но песок, неуспевший остыть после жаркого дня, продолжал обволакиваться вокруг, тянуть ниже и ниже.

— Зыбучие пески! — Воскликнул Ю Линг, вскинув руку в попытке ухватить Фэн Ся за воротник и остановить.

Но Фэн Ся умел ориентироваться в быстро меняющихся ситуациях. Одним движением он выбросил вперед древко копья, чтобы брат мог схватиться и потянул, приложив немалое количество сил. Когда Фэн Су повалил его на песок, неблагоприятно запыхавшись от резкой вспышки страха, он самодовольно ухмыльнулся.

— Всё ещё недолюбливаешь мою «палку», Су-эр?

— Заткнись. Гэгэ, — ответил он, с нажимом выделяя обращение.

Ю Линг закатил глаза. Знай он, что придётся возиться с этими совершенно несносными мальчишками, предпочёл бы не становиться генералом.

Раздался рёв. Зловещий, приправленный клацаньем зубов и скрежетом когтей. За ним последовал ещё один. И ещё. Что-то надвигалось из темноты. Песок пошёл рябью, словно мутное озеро, к поверхности которого поднималось нечто зловещее. Над поверхностью показались головы, покрытые кровавыми корками, костлявые руки с острыми как лезвия мечей когтями. Озлобленные, стенающие мертвецы с мутными глазами смотрели прямо на них, медленно поднимаясь из песчаной зыби. Тьма сгустилась, двигаясь клубком смердящих тел, как единый организм одного огромного чудовища. Пропитанные ненавистью и тьмой, пески обрели сознание, став огромной могилой и ловушкой для любого неосторожного путника. Среди мертвецов были как почти разложившиеся многолетние трупы — бывшие кочевники, так и те, кого только начинало пожирать гниение — видимо тот самый отряд смельчаков из деревни.

Ю Линг обнажил меч, не решаясь ступить вперёд. Он ничего не смыслил в заклинательстве, но вряд ли существовала большая разница, кому рубить головы — живым или полугнилым мертвецам. Фэн Ся широко крутанул копьё, готовясь к удару.

— Я поднимусь на мече. — Фэн Су, наконец, пришёл в себя, подскакивая. Лодыжка ныла и, кажется, даже припухла, но обращать на это внимания не было времени. — Осмотрю с высоты.

Фэн Ся усмехнулся, смерив его снисходительным взглядом. Мертвецы почти подошли на расстояние удара.

— О, можешь не торопиться. У нас же полно времени.

Фэн Су взмыл в воздух как раз в тот момент, когда лезвие гуань дао отсекло клацающую зубами голову, взмахнув алой бахромчатой кисточкой.

Зыбучие пески с высоты ничем не отличались от обычных и невозможно было определить ни конца ни края. Мертвецы, преисполненные ненависти и ведомые лишь жаждой убийства, продолжали бесконечно подниматься со дна — более крепкие медленно вышагивали, кто послабее — ползли, волоча за собой прогнившие ноги. Но ясно было одно — их были многие десятки и втроём против них не выстоять. Нога болела, и Фэн Су нетвёрдо стоял на мече, но выудив огненный талисман из-за пазухи, смог отправить его вниз. Мертвецы заревели пуще прежнего, но даже огонь не мог остановить их на пути к живым, сверкающим душам.

— Может попробуем запечатать эту проклятую зыбнину?! — Закричал он, спрыгивая с меча и разрубая дряхлого врага пополам.

Фэн Ся яростно крутил копьём, рыхля песок и поднимая пыль. Мертвецы не могли подобраться

к нему близко, но держать на расстоянии такое полчище всё равно получалось с трудом.

Ю Линг пока едва ли запыхался, но ситуация липким ужасом щекотала загривок. Он цеплялся глазами за истлевшие одежды бывших кочевников, будто возвращаясь на семнадцать лет назад. Он так не хотел убивать их снова.

— Не выйдет.

Раздался распевчатый голос. Даже не глядя в сторону звука, можно было понять, что говорящий улыбался.

Бродяжка появился как раз в тот момент, когда им с трудом удалось отбросить первую волну нападения. Он был таким, каким его и описывали — молодой и улыбчивый в летящих белых одеждах. Часть смольных волос собирала странная кривая шпилька, больше похожая на неровно отломанную ветку. Глаза, как два чёрных агата, искрились загадочным блеском; лицо, словно высеченное из мягкого нефрита улыбалось уголками губ. Абсурдный деревянный меч покоился в резных деревянных ножнах.

— Ты знаешь, как?! — Выкрикнул Фэн Ся, пресекая готового взорваться от негодования брата. Мертвецы на подходе, у них нет времени на разборки.

Бродяжка пожал плечами и склонил голову вбок.

— Конечно. Я помогу вам. Славу можете забрать себе.

Он двигался быстро, словно шаровая молния от цели к цели, и лишь песок вихрился под его ногами. Ловко выкидывая что-то из рукавов, он перепрыгивал с головы одного мертвеца на другого и все они просто замирали без движения как причудливые в своём уродстве статуи. В мгновение ока, играючи, он остановил целую армию. Лишь когда пыль осела, можно было рассмотреть деревянные гвозди во лбах мертвецов.

Когда вихрь белых одежд опустился перед ними, Фэн Су размахисто замахнулся мечом, но деревянное лезвие оказалось быстрым и крепким, отразив удар. Взгляды схлестнулись как две песчаные бури, и незнакомец легко оттолкнул от себя нападавшего. Фэн Су зашипел, подвернув раненую ногу, и воткнул меч в песок, останавливая падение.

— Молодому господину бы к лекарю. Нога-то совсем опухла. Трупный яд для заклинателя мелочь, но всё равно неприятно.

Ю Линг, больше озабоченный состоянием юного принца, чем странным незнакомцем, помог ему встать устойчивее.

— Что с ними? — хмурясь, спросил Фэн Ся, кивая на застывшие мёртвые изваяния.

— Я сказал, славу можете забрать себе. Эгих отдайте мне. Я помогу им обрести покой.

— Поможешь? Как?

Деревянный меч со свистом разрезал воздух, и порыв шквального ветра обрушился на пустыню, забиваясь в глаза острыми песчинками и почти сметая с ног.

Пыль осела. Но ни Бродяжки, ни мертвецов уже не было.

Целитель Фэн Су не требовался. Ю Линг мысленно поблагодарил Цин Юань, щедро выдавшую ему кучу всевозможных снадобий. На поле боя ему часто приходилось обрабатывать раны и себе и товарищам. Отточенными движениями он нанёс мазь, туго забинтовал повреждённую лодыжку и велел юному господину отдыхать. Поднявшийся лёгкий жар, не оставлял ему сил сопротивляться и вести себя привычно несносно.

Постоялый двор в такой отдалённой деревне не пользовался большой популярностью, и каждому из них нашлась отдельная комната. И хотя уже занимался рассвет, Фэн Ся не мог сомкнуть глаз, взбудораженный битвой и встречей с загадочным заклинателем. Он вышел во внутренний двор, погладил фырчащего коня по жёсткой чёрной гриве и усмехнулся, услышав шорох под чужими шагами за спиной.

— Кто ты такой? — Спросил он, пристально всматриваясь в чужие глаза.

Незнакомец стоял, прислонившись спиной к деревянному проёму конюшни и сложив руки на груди. Полы его белых одежд кое-где рыжели песчаными разводами, волосы едва выбились из причёски.

— Всего лишь одинокий Бродяжка.

— Бродяжка, обученный тёмному заклинательству?

Фэн Ся встал напротив, копируя позу собеседника. Бродяжка поднял глаза, улыбнулся самыми уголками губ.

— Разве может будущий правитель мыслить так ограниченно?

Фэн Ся выдержал пристальный взгляд, вернув улыбку. Ему никогда не править этими землями, но стоит ли откровенничать с тем, кто даже имени своего не называет? А может только с таким человеком и стоит? Отгоняя непрощенные мысли, он махнул головой.

— Разве может такой умелый заклинатель сражаться деревянным мечом?

Бродяжка огладил деревянные ножны.

— Но разве я сражаюсь? Мой меч достаточно крепкий, чтобы отразить пару ударов. Большого мне и не нужно.

Фэн Ся проскользил взглядом по странному оружию. Рукоять с двух сторон обнимали сплетённые в причудливом танце феникс и тигр. Резные ножны вихрились языками пламени и тонкими древесными ветвями. Меч заклинателя может многое сказать о своём хозяине, но этот...лишь поднимал больше вопросов.

— Кажется, двоих не хватает.

Бродяжка, вытащив оружие из ножен, придирчиво осмотрел рукоять.

— Дракон давно утратил власть, прячась в своём нефритовом дворце. Цветку жасмина нет дела, кто зовёт себя Небесным Императором — он прах в когтях любого.[2]

— Кто ты такой? — Фэн Ся, в общем-то, не ожидал ответа. Станный незнакомец говорил загадками, его хотелось разгадать. Со временем. Медленно сорвав покров таинственности.

Бродяжка оттолкнулся от косяка, ступая медленно, как ступает мягкими лапами опасный хищник. Он неожиданно вытащил шпильку, позволяя тяжёлым волосам упасть волнами чёрного шёлка на плечи. Протянув украшение, которое и вправду оказалось кривоватой ивовой веткой[3], он сказал:

— Не имеет значения, кто я такой. Важно лишь то, что я тебе не враг.

И он ушёл.

И рассветное солнце ступало за ним по пятам.

Комментарии и примечания:

[1] В данном случае, я не описываю чувство возбуждения. Уверена, что вы не могли подумать, будто наш принц имеет склонности к педофилии, но чувствую необходимость пояснить □ в данном случае я вскользь затрагиваю нижний дантянь — определённая зона (поле) в теле человека, которая находится ниже пупка. В традиционной китайской медицине это место, где хранится изначальная сущность цзин, основа физического существования. Именно в этом месте, в общем-то, находится золотое ядро заклинателя. То есть, косвенно я пытаюсь связать зарождение любви с формированием золотого ядра.

[2] В мифологии китайцев большое место отводилось четырем священным существам: дракону, тигру, фениксу, черепахе. Дракон считался символом весны и востока, феникс - лета и юга, тигр - осени и запада, черепаха - зимы и севера. Я позволила себе некоторую вольность и, отсылая к подобному мироустройству, кое-что поменяла: в моём тексте дракон и феникс остались на своих местах, тигр переехал с запада на север, а символом запада стал цветок жасмина. черепаха, к сожалению, никуда не вписалась.

[3] Ива в древнем Китае была символом защиты от нечисти. Ещё ива в китайской культуре символизирует желание остаться и надежду на следующую встречу. При разлуке с друзьями и родственниками было принято дарить иву, поскольку в китайском языке произношение слова «ива» (□) похоже на произношение слова «оставаться» (□)

<http://bllate.org/book/14934/1323635>